
Евгения Сарычева*

ЕЩЕ РАЗ О ДОСТОЕВСКОМ И ДИДРО

В.В. Розанов первым обратил внимание на вопрос о литературных связях Достоевского и Дидро. В своей статье 1894 года «О легенде “Великий инквизитор”» он пишет: «Единственную аналогию с этим произведением (имеются в виду “Записки из подполья”. — *Е.С.*), одним из глубочайших у Достоевского, представляет “Племянник Рамо” у Дидро. Первоначальный очерк характера “героя подполья” представляет, но исключительно с комической стороны, Фома Фомич в повести “Село Степанчиково и его обитатели”»¹. В дальнейшем все исследователи, занимавшиеся сопоставлением этих двух писателей, так или иначе сравнивали именно «Племянника Рамо» и различные произведения Достоевского. Например, Л.П. Гроссман в своей известной работе «Библиотека Достоевского» писал так: «Автор “Племянника Рамо” мог привлечь Достоевского <...> виртуозным искусством своего нервного, живого и меткого диалога, всей внешней формой своего рассказа, который стремится воспроизвести случайный и беспорядочный ход самой жизни во всей его разорванности»².

Обширное исследование этой темы также провел В.Я. Кирпотин в своей статье «Лебедев и “Племянник Рамо”». Он не только сопоставил этих двух персонажей, но и провел параллели между

---

* Евгения Сарычева — студентка четвертого курса филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, занимается отражением традиций французского философско-просветительского романа в творчестве Достоевского.

такими произведениями, как «Разговор отца с детьми» Дидро и «Подростком» Достоевского, «Племянником Рамо» и «Бесами».

Также заслуживает внимания работа известной исследовательницы Достоевского Nadin Natov «Dostoevsky's response to Diderot», где впервые подробно сопоставляются «Племянник Рамо» и «Записки из подполья»³.

Мы же попытаемся затронуть ранее не исследованные аспекты интертекстуальных связей творчества Достоевского и сопоставить его «Братьев Карамазовых» и религиозно-философские произведения Д. Дидро «Прогулки скептика, или Аллеи», «Философские мысли» и «Прибавления к философским мыслям, или Разные возражения против сочинений различных богословов».

Интерес к последнему роману Достоевского не случаен. Ведь имя Дидро впервые у Достоевского появляется именно на страницах «Братьев Карамазовых», тогда как до этого можно обнаружить лишь отдельные признаки влияния философии французского просветителя на творчество Достоевского. Кроме того, в письме 1869 года к Н.Н. Страхову из Флоренции (а известно, что основной сюжет будущих «Братьев Карамазовых» задумывался именно тогда) Достоевский писал: «Вы вот спрашиваете в письме Вашем, что я читаю. Да Вольтера и Дидро всю зиму и читал» (29; 35).

Нам неизвестно, что конкретно читал Достоевский, но воздействие «Прогулок скептика» на «Братьев Карамазовых» признать возможно.

«Прогулки скептика, или Аллеи», написанные в 1747 году, направлены, прежде всего, на критику религии. Дидро весьма образно и метафорично описывает христианское общество с его порядками, установлениями и законами: весь мир представляется ему одним государством, Бога он называет государем, которому все подчиняются; Библию — священным кодексом, а людей — подданными, исполняющими одни и те же обязанности. Это государство Дидро делит на три аллеи: аллею терний, которую населяют те, кто слепо верят в «государя» и также слепо ему повинуются (под ними Дидро подразумевал священников), причем жители этой аллеи слепые в прямом смысле этого слова, так как они носят на глазах повязки и ничего не могут видеть; аллею каштанов, где живут те, кто подчиняются лишь собственному разуму и ни во что не верят (философы и ученые); и аллею цветов, где живут прожигатели жизни и любители удовольствий. Дидро причисляет себя к философам и с

необычайной иронией и сарказмом высмеивает законы, порядки и правила, по которым живут обитатели аллеи терний, старается выставить в смешном свете все их представления о «государе» и «государстве».

Сразу вспоминается статья, написанная Иваном Карамазовым, где говорится о необходимости превращения всякого государства в церковь: «Таким образом, не церковь должна искать себе определенного места в государстве <...>, а, напротив, всякое земное государство должно бы впоследствии обратиться в церковь...» (14; 58). Параллель между образом Дидро и размышлениями Ивана здесь очевидна, но логика их рассуждений различна: если Дидро, изобразив церковь как государство, высмеивает ее «законы» и «порядки», то Иван, напротив, совершенно серьезно говорит о переходе государства в церковь, а не наоборот, и для Ивана этот переход естествен и необходим. Возможно, здесь заключена некоторая ирония: ведь идея о переходе государства в церковь исходит из уст безбожника Ивана, который «мира Божьего» не принимает.

Еще больше заслуживает внимания центральный эпизод из главы «Аллея каштанов», где описывается разговор между героем по имени Атеос (от греч. ἄθεός — неверующий, атеист) и неким слепцом, живущим в аллее терний. Атеос пытается убедить слепца в абсурдности его веры и убеждений и в том, что Бога не существует и что нужно сорвать с глаз повязку. Вскоре после этого разговора главный герой узнает, что его дом разграблен, дети убиты, а жена похищена. Дидро комментирует это так: «Подозрение пало на слепца, с которым Атеос вел спор через изгородь и которого убеждал не считаться с голосом совести и законами общества всегда, когда можно пренебречь ими без опасности для себя; решили, что именно он <...> совершил это злодеяние, считая себя обеспеченным от наказания отлучкой Атеоса и отсутствием каких бы то ни было свидетелей. Самое огорчительное в этой истории заключалось для бедного Атеоса в том, что он даже не смел громко жаловаться; ибо ведь слепец был, в конце концов, только последователен»⁴.

Здесь можно легко провести аналогию с преступлением, совершенным в «Братьях Карамазовых»: Смердяков убивает Федора Павловича под непосредственным воздействием взглядов и высказываний Ивана Карамазова, который так же, как и герой произведения Дидро, убеждал Смердякова в отсутствии добродетели и Бога; совершает же он убийство в отсутствие Ивана, без свидетелей.

Примечательно, что и у Достоевского, и у Дидро убитыми оказываются члены семьи главного героя, который особенно мучительно переживает их гибель. Таким образом, получается, что теория «вседозволенности» прежде всего должна быть применена к самому себе, но ни Атеос, ни Карамазов не желают смириться с этим.

Положение Ивана оказывается ужасным еще и потому, что заявить на настоящего убийцу для него означает разоблачить самого себя, так как он тоже косвенным образом замешан в преступлении. Вспомним фразу Ивана на суде, которая и выдает его как сообщника: «Кто не желает смерти отца?» (15; 117). И в этой же фразе заключается суть того, в чем он наставлял Смердякова. Рассмотрим теперь связь этих двух произведений подробнее.

Слепец с повязкой на глазах — это, конечно, Смердяков. Разумеется, его вряд ли можно причислить к тем, кто является ярким поборником и фанатиком церкви и религии. Наоборот, Смердяков на протяжении всего романа высказывает только атеистические мысли и идеи. Но ведь нигде не говорится, что он сам додумался до этого, и по ходу романа выясняется, что подобные взгляды появились у Смердякова под влиянием Ивана Карамазова, который «принял было в Смердякове какое-то особенное вдруг участие, нашел его даже очень оригинальным» (14; 242). В свою очередь, Иван придерживается взглядов, очень схожих со взглядами Атеоса. Например, Дидро пишет: «Наш товарищ (Атеос. — *Е.С.*), только что додумавший до конца ряд мыслей, громко воскликнул, как это бывает с людьми, полагающими, что их никто не слышит: “Нет, никакого государя не существует; ничто не доказывает с очевидностью его существования”»⁵. Вспомним, как Иван на вопрос отца «есть Бог или нет?» отвечает: «Нет, нету Бога» (14; 123). Но Ивана все же трудно, на наш взгляд, назвать атеистом, так как его взгляды в корне расходятся со взглядами атеиста Дидро; он даже не деист, как Вольтер, несмотря на то, что их рассуждения внешне похожи и Иван прямо ссылается на него в тексте романа. В отличие от Вольтера, который Бога все же признавал, вопрос о существовании Бога для Ивана остается открытым до конца, и в этом его трагедия и причина умопомешательства.

Для Дидро, как и для Ивана, важен вопрос о том, что будет после смерти, в чем состоит оправдание человеческих страданий на земле и в чем будет заключаться то блаженство, которое обещает церковь. Иван представляет себе это как всемирную гармонию и

некую великую истину. Как известно, он отказывается от вечного блаженства, так как цена за него слишком высока: «...От высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только замученного ребенка...» (14; 223).

Дидро же вообще не признает какого бы то ни было «вознаграждения» и бессмертия человеческой души вообще, более того, высмеивает его: «Но в чем же заключаются эти великолепные награды? В чем? В том, чтобы видеть государя. Каким же это образом? С помощью потайного фонаря, который нам прикрепят к шишковидной железе или к какому-то там мозолистому телу и который позволит нам увидеть все так ясно, что...

— С чем вас и поздравляю, — сказал наш товарищ, — но пока что мне кажется, что твой фонарь невыносимо чадит»⁶. Последняя фраза напоминает выражение «смердит у вас» из «Братьев Карамазовых» и прямо отсылает нас к образу Смердякова.

Кроме того, Дидро в своих произведениях развивает очень важную мысль, имевшую для него большое значение и нашедшую отражение в «Братьях Карамазовых». Мысль эта о том, действительно ли Творец так милосерден и справедлив, как об этом говорит церковь, и как в таком случае жестокий и беспощадный мир может быть Его созданием.

Дидро пишет в «Аллеях»: «Но скажи мне, если твой государь разумен, мудр и благ, может ли он быть доволен тем глубоким мраком, в котором ты живешь?»⁷. Дидро не приемлет окружающий его страшный мир и не понимает, даже не хочет понять, как Бог может быть безучастным к страданиям людей, как Он может быть доволен тем, что творится на земле. Для Дидро Бог — «жестокий тиран, жаждущий крови, воплей и ужасов»⁸. В «Философских мыслях» Дидро прямо отрицает существование Бога, так как «безобразия в нравственном мире уничтожают всякое провидение». Он пишет: «Если все создано Богом, то все должно обладать наибольшим совершенством, как только возможно; ибо если не все обладает наибольшим возможным совершенством, значит, в Боге есть бессилие или злая воля»⁹.

Подобные рассуждения мы можем найти и у Ивана Карамазова, когда он рассказывает Алеше свои «фактики», пытаясь объяснить брату свое понимание Бога и мира, Им созданного. Иван так же, как и Дидро, хочет логически объяснить себе и понять, как может страшный и жестокий мир быть созданием милосердного Бога. То

есть для Ивана, как и для Дидро, оказывается важным даже не существование Бога как такового, а результаты Его дел, Его отношение к людям, управление тем миром, который Он создал.

Дидро считает виновником всех бедствий Бога: «Кто осудил их на эти муки?.. Бог, которого они оскорбили... Каков же этот бог? Он — бог, исполненный благодати... Значит, исполненный благодати бог любит утопать в слезах! Эти вопли ужаса не прямое ли надругательство над его милосердием?»¹⁰. Но Дидро вообще отрицает существование Бога, для Ивана же главное — неискупленные, по его мнению, страдания людей: «Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, Им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять» (14; 214).

В «Прибавлениях к философским мыслям» Дидро пишет: «...В виду крайней трудности достигнуть такой степени совершенства, несовместимой с человеческой слабостью, я не вижу для <...> отца иного выхода, как взять своего ребенка за ноги и размозжить его голову о землю или задушить его в момент рождения. Этим он спасет его от мук ада и обеспечит ему вечное блаженство...»¹¹. Подобным примером Дидро хочет показать нам недостижимость «вечного блаженства», так как люди, по его мнению, слишком слабы и грешны, чтобы быть достойными этой награды. Итак, Дидро не верит ни в Бога, ни в человека. Рассказы Ивана Карамазова про маленьких замученных детей, поражая нас той же жестокостью и даже циничностью, что и высказывание Дидро, призваны, однако, выразить совсем другую мысль: о недопустимости покупки вечной гармонии ценой детских слез. То есть Иван Карамазов, не признавая Божий мир, отрицает и само вознаграждение за все человеческие страдания, то есть гармонию, так как он не может допустить мучений даже одного ребенка, не говоря уже об остальном человечестве.

Наш краткий анализ еще раз подтверждает, что Достоевский в своем творчестве активно использовал образы и основные мотивы философской прозы французских просветителей XVIII века. Несмотря на то, что эти образы были переосмыслены Достоевским, они оказали довольно большое влияние на его позднее творчество и нашли свое отражение в «Братьях Карамазовых».

Примечания

¹ Розанов В.В. О легенде «Великий инквизитор»// О Великом инквизиторе. — М., 1991. — С. 89.

² Гроссман Л.П. Библиотека Достоевского. — Одесса, 1919. — С. 122.

³ **Natov N.** Dostoevsky's response to Diderot // *Dostojevskij und die Literatur.* — Kölns Böhlau, 1 n. — 1983. — P. 31–55.

⁴ **Дидро Д.** Прогулки скептика, или Аллеи // **Дидро Д.** Собрание сочинений : В 10 т. — М.–Л., 1935. — Т. 1. — С. 201.

⁵ Там же. — С. 184.

⁶ Там же. — С. 191.

⁷ Там же. — С. 186.

⁸ Там же. — С. 186.

⁹ **Дидро Д.** Философские мысли // **Дидро Д.** Собрание сочинений : В 10 т. — М.–Л., 1935. — Т. 1. — С. 96.

¹⁰ **Там же.** — С. 93.

¹¹ **Дидро Д.** Прибавление к философским мыслям, или Разные возражения против сочинений различных богословов // **Дидро Д.** Собрание сочинений : В 10 т. — М.–Л., 1935. — Т. 1. — С. 134.